

Виктор Сумский

ПОЧЕМУ НАС НЕ БЫЛО В ВАС И ПОЧЕМУ ТЕПЕРЬ НАС ТУДА ЗОВУТ

Всем, кто заинтересованно следит за внешней политикой России в Восточной Азии (не говоря уже о людях, непосредственно участвующих в ее разработке и проведении), 2010 г. запомнится надолго. Дипломатическая активность на этом направлении была, пожалуй, как никогда высока. Ее пик пришелся на конец года, отмеченный не только визитами президента РФ в Китай, Вьетнам, Южную Корею и Индию, но также его участием во втором саммите Россия–АСЕАН (Ханой), в сеульском саммите G-20 и состоявшейся следом в Йокогаме встрече лидеров стран, входящих в форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). А были ведь еще и такие знаковые события, как прием России в форум «Азия–Европа» (АСЕМ), как первая конференция министров обороны стран-участниц АСЕАН и восьми диалоговых партнеров этой Ассоциации, прошедшая при участии начальника нашего Генштаба. Было, наконец, и официальное приглашение присоединиться к Восточноазиатскому саммиту (ВАС), одновременно полученное Россией и США.

Напомню, что ежегодные заседания ВАС проходят с 2005 г. На них съезжаются высшие руководители асеановской десятки, а также их коллеги из Китая, Японии, Южной Кореи, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Еще накануне первого из этих собраний Российская Федерация официально заявила, что хотела бы участвовать в его работе. Однако нашу заявку отклонили с объяснением, что связи РФ с АСЕАН (за которой в ВАС закреплены права стороны, определяющей повестку дня и состав участников) пока не являются достаточно *субстантивными* (substantive). Подразумевалось, что членство в ВАС возможно для России лишь на более высоком уровне торгово-экономического взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии. Во всяком случае, именно так истолковало позицию АСЕАН большинство комментаторов. Отчасти согласился с ними и Н.П. Малетин – профессор МГИМО, специализирующийся на изучении АСЕАН буквально с момента ее рождения. Свою точку зрения он подробно изложил в статье, озаглавленной «*Почему нас нет в ВАС*» (2009)¹. В то же время, обозревая динамику отношений Россия–АСЕАН и новые моменты в региональной расстановке сил, этот опытный эксперт не исключил довольно скорого приема России в Восточноазиатский саммит – и не ошибся.

Вырос ли за пять лет, прошедшие с момента созыва ВАС, объем совокупного товарооборота России с партнерами в ЮВА? В общем да, но не настолько, чтобы говорить об изменениях качественного характера. С точки зрения этого индикатора, как и показателей инвестиционной активности в данном регионе, мы отстаем от США, Японии, Китая, Евросоюза, а в последнее время и от Индии, не то что сильно, а, можно сказать, непоправимо.

Почему же, вопреки подобным противопоставлениям, нас все-таки зовут в ВАС (да еще на пару с американцами, до последнего времени вообще не выражавшими желания участвовать в этом саммите)? Без краткого экскурса в историю проблемы тут не обойтись, причем начать придется с сюжетов, связанных с российской темой опосредованно.

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: С АМЕРИКОЙ ИЛИ БЕЗ НЕЕ?

На стыке 80-х и 90-х гг. (то есть в момент, когда одна историческая эпоха сменяла другую) перед странами Восточной Азии встал вопрос о том, какую роль должны играть в их общем будущем Соединенные Штаты. В пользу сохранения тесных связей с Вашингтоном говорила привычка к американским гарантиям безопасности в военно-политической сфере, к широкому доступу на товарные рынки США – к вещам, благодаря которым не в последнюю очередь состоялось сначала *японское чудо*, а затем и прочие экономические чудеса Восточной Азии. Но были и аргументы против включения Америки в те новые интеграционные схемы, обсуждение которых уже начиналось. Громче и убедительнее всех высказывался многолетний премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад. В новых условиях, доказывал он, США не пойдут на такие послабления и уступки региональным партнерам, которые были возможны на этапе биполярного противостояния. Навязывая *младшим братьям* свои собственные приоритеты и ценности, американцы будут препятствовать раскрытию того потенциала, который Восточная Азия накопила за несколько десятилетий успешной модернизации. Выход виделся в том, чтобы откликнуться на конкурентные вызовы объединяющейся Европы и Северной Америки, создав свой собственный, чисто азиатский альянс.

Однако с ходу запустить проект под названием «*Восточноазиатская экономическая группировка*» (East Asia Economic Grouping) Махатхиру не удалось. Эйфория в стане победителей, сопутствовавшая окончанию холодной войны, помогла американцам и их ближайшим союзникам *продавить* план, предполагавший форсированную торговую либерализацию в рамках АТЭС. Правда, за согласие присоединиться к этому формату страны АСЕАН получили награду – право решающего коллективного голоса во внутренних дебатах АТЭС. Так родился принцип *центральной позиции* АСЕАН в этой и последующих восточноазиатских инициативах. Сегодня любые попытки поставить его под сомнение воспринимаются в Ассоциации как посягательства на нее саму.

Предоставив АСЕАН подобный бонус, американцы явно надеялись, что старый партнер останется таким же покладистым, как прежде, и поддержит в АТЭС их линию. На деле случилось нечто иное. Уже в середине 90-х годов форум АТЭС стараниями АСЕАН (как, впрочем, и ряда других участников) превратился в подобие дискуссионного клуба, отнюдь не выдающего твердых предписаний о сроках и параметрах перехода к свободной торговле. В процессе расширения за счет четырех стран Индокитая, начавшегося в 1995 г., Ассоциация ощутила прилив уверенности в своих силах. Ее растущая самостоятельность сказалась и в созыве Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ, 1994), и в создании АСЕМ (1996), предполагавшем развитие диалога с Евросоюзом, минуя Америку. Довершал картину прием в АСЕАН такой жестоко критикуемой Западом страны, как Мьянма с ее военным режимом (1997).

Цепь событий и достижений, льстивших самолюбию асеановцев, прервал азиатский кризис. Тяжесть финансово-экономического, политического, социально-психологического ущерба, нанесенного потрясениями конца 90-х, усугублялась ощущением, что все это воспринимается в американском истеблишменте как справедливое возмездие своевольным азиатам. Не опровергали подобных догадок и действия Международного валютного фонда: режим экономии, навязанный пострадавшим в обмен на кредиты МВФ, не смягчал, а усугублял последствия кризиса. Предчувствия Махатхира о том, как поведет себя Америка в роли безраздельного глобального гегемона, сбывались на глазах. Неудивительно, что к идеям малайзийского премьера пробудился новый интерес. Уже в декабре 1997 г. состоялся первый саммит по формуле АСЕАН+3, на котором тройка была представлена экономическими *тяжеловесами* азиатского северо-востока – Китаем, Японией и Южной Кореей. Очень скоро такие встречи стали регулярными, а в самом начале третьего тысячелетия сближение АСЕАН с теми же партнерами вылилось в *Чиангмайскую инициативу* (2000), призванную защитить ее участников от безответственных атак валютных спекулянтов². Обсуждался и вопрос о создании зоны свободной торговли в формате АСЕАН+3. Казалось, контуры сугубо восточноазиатского блока определились, и желающим пополнить его, кто бы они ни были, лучше не тревожить понапрасну ни себя, ни других.

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И ЕГО ПОБОЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Если для АСЕАН в целом и для ряда ее членов – особенно для Индонезии и Таиланда – азиатский кризис навсегда останется синонимом падения, то для Китая это бедствие обернулось нежданной пользой. Выстояв в финансовом шторме, он не только не снизил, но повысил темпы хозяйственного роста, выказал готовность помогать пострадавшим и закрепил представление о себе как о локомотиве региональной экономики. Масштабы товарообменов между КНР и южными соседями стремительно увеличивались. Одновременно во внешнеполитическом поведении Пекина все четче проступали те элементы *игры на опережение* и вкуса к многосторонней дипломатии, которых раньше не наблюдалось. Все это вместе взятое создавало эффект *мирного наступления* Китая в ЮВА, выдвигало его в первый ряд претендентов на ведущую роль во всей Восточной Азии – особенно на фоне снижавшегося авторитета США³.

Как реагировала на происходящее АСЕАН? С одной стороны, беспрецедентные успехи Китая не могли не вызывать уважения, не пробуждать надежд на то, что с этим новым лидером региону обеспечено *место под солнцем*. С другой стороны, Китай в кратчайшие сроки разогнался настолько, что погоня за ним становилась все более проблематичной даже для самых поворотливых членов АСЕАН, и крепки опасения, как бы в самом недалеком будущем региональное равновесие – не только экономическое, но и политическое – не нарушилось необратимым образом. Понадобилось лишь три-четыре года, чтобы уяснить: асеановская попытка вести дела с Китаем, Японией и Южной Кореей *как бы на равных*, уповая на то, что в рамках многосторонних контактов со странами Ассоциации эти трое где-то уравниваются, а где-то и нейтрализуют друг друга, не срабатывает из-за бурного роста китайской мощи. Де-факто формат АСЕАН+3 все больше походил на АСЕАН+1 (где единицей, перетягивавшей все остальные компоненты, был, конечно, Китай).

А что же Америка? Неоконсерваторы, окружавшие Джорджа Буша-младшего, то делали вид, что АСЕАН вообще не стоит их внимания, то прямо давали понять, что связка асеановцев с Китаем – смертный грех. На пике антитеррористической кампании Вашингтон пытался *отнять* у АРФ и *перетянуть* в АТЭС проблематику восточноазиатской безопасности. На роль *мальчика для битья* внутри Ассоциации определили Мьянму (главная провинность которой состояла не столько в нарушениях прав человека, сколько в особой близости к КНР). Ежегодные конференции министров иностранных дел АСЕАН, их собеседования с партнерами по диалогу, асеановские встречи в верхах и тому подобные мероприятия проходили под ритуальные сетования западных СМИ о том, что Ассоциация вырождается в *говорильню*. Согласованность этих усилий наводила на мысль о том, что АСЕАН предлагают сделать *правильный выбор* между Америкой и Китаем, а в случае *неверного выбора* пенять на себя⁴.

Подобный ультиматум был неприемлем для АСЕАН и по чисто прагматическим соображениям (связанным с потребностью и в США, и в Китае как незаменимых деловых партнерах), и в силу традиционной, глубинной приверженности компромиссам, склонности искать *срединные пути* между политическими противоположностями. Показательно, однако, что АСЕАН не только не застыла в неподвижности, ужасаясь новым вызовам, но энергично искала способы двигаться вперед. В начале двухтысячных годов был одобрен план строительства Сообщества АСЕАН – объединения, спроектированного с учетом опыта Евросоюза, но в то же время с пониманием, что копировать таковой бессмысленно. Тогда же созрело представление о том, что нужен новый шаг по пути интеграции в масштабах всей Восточной Азии – шаг, который затруднил бы Китаю превращение в единоличного регионального лидера, но не свелся бы к *прогибу* под США, тем более в момент, когда республиканская администрация показывает себя *во всем блеске*. Эти намерения воплотились в концепции, а затем и в союзе ВАС, поданном как начало трудов по созданию Восточноазиатского сообщества. К странам, задействованным в формате АСЕАН+3, добавили Индию, Австралию и Новую Зеландию. Появлению этих новых участников (каждый из которых имел особые отношения с США) энергично способствовала Япония, но не слишком радовался Китай. Впрочем, формат АСЕАН+3, в котором ему принадлежало столь заметное место, отнюдь не упразднился, а США по-прежнему не участвовали в заседаниях – подчеркивая, однако, что и не ищут этой

привилегии. Что они хотели этим сказать? Что дискуссия, ведущаяся в их отсутствие, да еще при *центральной роли* АСЕАН, заведомо не имеет перспективы?

Если Вашингтон и впрямь стоял на этом, то Москва, подав заявку на вступление в ВАС, обозначила иную позицию. Будучи официальным партнером АСЕАН по диалогу и присоединившись в 2004 г. к *Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА* (он же – *Балийский договор*), Россия отвечала как минимум двум из трех требований, предъявлявшихся к претендентам на участие в саммите. С третьим требованием, заключавшимся как раз в наличии *субстантивных* связей с Ассоциацией, дела обстояли хуже. Правда, критериев *субстантивности* не существовало, как нет их и сейчас, так что решение зависело, в конечном счете, от общей политической воли членов АСЕАН. О том, почему ее не хватило для приема РФ еще пять лет назад, откровенно пишет Родольфо Северино, являвшийся генеральным секретарем Ассоциации с 1998 по 2002 г.: «Стань Россия полноправным участником, и отсутствие США еще больше бросалось бы в глаза тем, кто считает, что Вашингтон должен быть частью восточноазиатского процесса»⁵.

ФАЛЬСТАРТЫ КЕВИНА РАДДА И ЮКИО ХАТОЯМЫ

Не успели члены ВАС согласовать свои намерения и сказать миру что-либо внятное, как на них посыпались те же упреки, что и на АСЕАН – обвинения в склонности к пустым декларациям, в неспособности делать практически полезные дела и пр. Хуже того, разноречивыми в суждениях о форматах интеграции, предпочтительных для Восточной Азии, наматился между самими участниками саммита. Особо отличились два политика, ненадолго выдвинувшихся на руководящие роли в своих странах. Австралийский лейборист Кевин Радд, занимавший пост премьер-министра с 2007 по 2010 г., удивил регион призывом к созданию *Азиатско-Тихоокеанского сообщества* с опорой на крупных игроков, включая США, Китай и Россию. Лидер Демократической партии Японии Юкио Хатояма, возглавлявший правительство в 2009–2010 гг., огласил предложение, которое могло бы показаться избыточным – сформировать *Восточноазиатское сообщество* в том самом составе, в котором уже собрали ВАС. Правда, вскоре он добавил к этому списку Соединенные Штаты⁶.

Если кому-то думалось, что старые союзники Вашингтона стараются, сверх всего прочего, сделать ему приятное, то это впечатление было поверхностным. По некоторым оценкам, суть замысла Радда состояла в том, чтобы удерживать американо-китайское соперничество в оболочке новой структуры, не позволяя ему выходить из-под контроля и наделяя Австралию ролью *честного брокера* между двумя соперниками. Хатояма же, выигравший выборы 2009 г. на волне протеста против *низкопоклонства* японских либерал-демократов перед Америкой, выступал за поворот Японии в сторону Азии. Вместе с тем его концепция содержала вызов Китаю, желавшему положить в основу будущего Восточноазиатского сообщества формат АСЕАН+3. По логике Хатоямы, присутствие Индии, Австралии и Новой Зеландии в его схеме повышало шансы Японии на региональное лидерство.

Хотя, уточняя свои позиции, ни Радд, ни Хатояма не забывали о *реверансах* в адрес АСЕАН, их предложения воспринимались в столицах *десятки* весьма прохладно. Ведь как бы обтекаемо ни подавались обе инициативы, их общая направленность не оставляла места для той *центральной роли* в региональных проектах, которой так дорожила АСЕАН.

Ни австралиец, ни японец не успели должным образом *раскрутить* свои инициативы, и помешали этому не только краткие сроки пребывания во власти. Хотя сверхзадача обеих концепций сводилась к тому, чтобы подправить работу, проделанную асеановцами, обе они не отличались ясностью и определенностью – и, стало быть, грешили теми же недостатками, которые критики Ассоциации частенько усматривают в ее программных заявлениях и документах. Изъяны этого рода были отнюдь не случайны: и Радду, и Хатояме приходилось постоянно лавировать, моментами чуть ли не опровергая самих себя, ибо внутри государственно-политических элит обеих стран обозначились расколы

между проамериканскими группировками и сторонниками более активного сотрудничества с Китаем⁷.

Отставки Радда и Хатоямы дали АСЕАН определенную передышку в борьбе за удержание *центральной роли* в восточноазиатских делах. Однако проблемы и вызовы, побудившие этих деятелей к соответствующим выступлениям, никуда не делись. На исходе первого десятилетия XXI в. мир переживал глобальный кризис, а страна, где он зародился, вела себя при новом президенте-демократе несколько иначе, чем при его предшественнике-республиканце – в том числе и в Азии.

АМЕРИКАНСКОЕ КОНТРАСТУПЛЕНИЕ В ЮВА

Хотя холодная война, какой ее знали во второй половине XX в., осталась позади, военно-политический инструментарий и стратагема, порожденные этой эпохой, по-прежнему в ходу. Во всяком случае, администрация Дж. Буша-младшего показала всей своей деятельностью, что ради удержания мира в состоянии однополярности способна развязать сразу *три новых холодных войны* – с исламским миром, Китаем и Россией. Не достигнув ни на одном из этих *фронтов* ничего похожего на решающий перевес и доведя США до самого жестокого экономического кризиса со времен Великой депрессии, республиканцы *своею собственной рукой* подготовили феномен Барака Обамы. Его декларации о *перезагрузках* отношений с критически важными для США партнерами – все теми же мусульманскими странами, Китаем и Россией – оказались настолько ко времени, что Нобелевский комитет присудил американскому лидеру свою Премию мира, не дожидаясь исполнения обещанного.

Указав на Восточную Азию как на регион, имеющий особую значимость для США, и обозначив готовность договариваться с Пекином *по-хорошему*, новая администрация сделала беспроигрышный ход. По иронии судьбы, способность Китая поддерживать высочайшие темпы экономического роста в обстановке, когда на грани банкротства балансируют страны из категории развитых, начинает в чем-то работать против него (как, к слову, и его масштабная программа военного строительства). Соседи поглядывают на гиганта, расправляющего плечи, с растущей тревогой. Они как будто заранее впускают себе, что с течением времени он станет держаться все более неуступчиво, ибо вести себя иначе поднимающиеся гегемоны не умеют. Малейшие намеки на подобное поведение вызывают обостренную реакцию, желание поставить потенциального *нарушителя спокойствия* в условия, при которых у него не будет избыточной свободы рук. На сегодня Соединенные Штаты – единственная величина, чье активное присутствие в Восточной Азии создает такие условия. Отсюда и прилив энтузиазма, с которым в регионе откликаются на *благовую весть* о *возврате* американцев.

Не настораживает ли, однако, возможность возникновения *дуумвирата США и Китая под вывеской «G-2»*? С асеановской точки зрения, подобное вряд ли реально. И американцев, и китайцев в странах ЮВА изучили весьма неплохо. Там видят пределы, дальше которых взаимное сближение двух держав, скорее всего, не пойдет. Чтобы чувствовать себя хотя бы отчасти хозяевами в своем регионе, странам АСЕАН желательно нечто среднее между жестким соперничеством Вашингтона с Пекином и их же альянсом. Приемлемый вариант – явные, но не абсолютно непримиримые противоречия, на которых посторонние могли бы играть без особого риска, преследуя собственные цели.

Тот факт, что с 2009 г. Обама выстраивает отношения с Китаем более или менее в этом ключе, – важнейшая предпосылка *внешнеполитического контрастступления*, которое Америка не без успеха разворачивает сейчас в ЮВА. За короткое время США активизировали двусторонние отношения буквально со всеми странами АСЕАН (вплоть до Мьянмы, к которой ищут новые подходы, но с особым акцентом на сближение с Индонезией и Вьетнамом). Нет с их стороны недостатка и в жестах, говорящих о поддержке Ассоциации как значимого субъекта региональной политики. Среди практически значимых шагов – присоединение к Балийскому договору. С ним, как уже отмечено, связана и принципиальная возможность подключения к дискуссиям о *новой региональной архитектуре*, идущим на Восточноазиатском саммите⁸.

Будем считать, что мотивы, по которым Америке выписано приглашение на ВАС, в первом приближении ясны. Но почему заодно туда же зовут и Россию? Неужели только потому, что за полвека биполярной конфронтации привыкли видеть нас в связке с США? Или из соображений политкорректности, не позволяющей держать просителя в прихожей слишком долго?

Если подобные соображения и присутствуют, то на этапе выработки решения берутся во внимание во вторую и в третью очередь.

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ НАС ТУДА ЗОВУТ?

Попробуем рассуждать от противного. При каких условиях наше участие в ВАС было бы исключено?

Во-первых, при условии явного расхождения тенденций политического и экономического развития России с теми, что преобладают в Восточной Азии. Как бы критически мы сами ни относились к нашей демократии и к нашему рынку, важно констатировать, что основы и того, и другого все-таки заложены. Нас может не устраивать качество экономического роста и государственного управления, но не отметить, что с наступлением XXI в. экономический рост так или иначе возобновляется, что хаос первого постсоветского десятилетия обуздан и страна управляется лучше, чем прежде, было бы несправедливо. Как бы трудно ни шла у нас модернизация, курс на нее возведен в ранг государственной политики. По совокупности этих признаков Россия отнюдь не *выламывается* из общей региональной картины (чего, повторюсь, 10 лет назад еще не было).

Во-вторых, нас не стали бы вовлекать в восточноазиатское сотрудничество, если бы наше внешнеполитическое поведение было выдержано в духе конфронтации, не-

примиримости и угрозы силой по отношению к какой бы то ни было из стран региона. Восточной Азии вполне хватает того потенциала конфликтов, который там уже накоплен, и дополнительные *подношения* этого рода ей ни к чему. Россия же востребована как раз по причине своей очевидной заинтересованности в укреплении регионального мира. Ведь без него Восточная Азия не сохранит экономический динамизм, делающий ее страны столь желанными партнерами в делах подъема нашего Дальнего Востока и модернизации российской хозяйственной жизни.

В-третьих, Восточная Азия определенно не нуждалась бы в дополнительном игроке, у которого громадная территория, богатые ресурсы и солидный оборонный потенциал сочетались бы с политической несамостоятельностью. Почему? Да потому, что в условиях, когда проблемной осью региональной политики становятся сугубо неоднозначные американо-китайские отношения, такой игрок рано или поздно уступит соблазну *присоединиться* к одной из двух сторон, руководствуясь примитивно понятой, сиюминутной выгодой. А это, в свою очередь, дало бы толчок региональной, если не глобальной поляризации сил, ибо, при всей своей зависимости, упомянутый игрок остается очень значимой величиной⁹. Стало быть, приглашая Россию в ВАС, ей дают понять, что не считают ее чем-то подобным? Видимо, не только в Европе, но и в Азии оценены по достоинству такие трудные, но необходимые подтверждения российской самостоятельности, как Мюнхенская речь или выбор, сделанный в августе 2008 г. на Северном Кавказе. Дополнительный, крупный и самостоятельный игрок нужен Восточной Азии, чтобы добиться, пользуясь термином А.Д. Богатурова, *уплотнения* регионального политического пространства¹⁰, особенно в той его важнейшей, *срединной* части, за удержание которой отвечает АСЕАН.

Если так, то *нас принимают в ВАС, руководствуясь представлением о России как о величине отнюдь не инородной и принципиально совместимой с остальными странами Восточной Азии, как о величине, настроенной на поддержание позитивной экономической динамики региона, как о величине, чья политическая позиция будет способствовать сохранению регионального мира и равновесия.*

Разговор о мотивах приглашения России к участию в ВАС можно было бы и продолжить. Но даже сказанного достаточно, чтобы заключить: приход России на этот форум — не дань конъюнктуре и не следствие внезапно подвернувшейся возможности. Напротив, он глубоко закономерен, ибо основан на совпадении наших долгосрочных национальных устремлений с объективным интересом региона как целого. 🐘

Примечания

¹ Малетин Н.П. Почему нас нет в ВАС. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIII (ЮВА 2008–2009)*. М., 2009. С. 49–65.

² Амиров В.Б. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы. *Международная Жизнь*. 2010. № 10. С. 49–55.

³ Sumsy V. China's Peace Offensive in Southeast Asia and Russia's Regional Imperatives. *Russia-ASEAN Relations: New Directions*. Singapore, 2007. P. 53–69.

⁴ Sumsy V. The Art of the Possible in ASEAN's Future. *Global Asia*. 2008. Vol. 3. N 1, Spring. P. 97–100.

⁵ Severino R.C. Southeast Asia in Search of an ASEAN Community: Insights from the Former ASEAN Secretary-General. Singapore, 2006. P. 272.

⁶ Rathus J. Squaring the Japanese and Australia Proposals for an East Asian and Asia Pacific Community: Is America in or out? *East Asia Forum: Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 2009, 4 November. <http://www.eastasiaforum.org/2009/11/04/squaring-the-japanese-and-australia-proposals-for-an-east-asian-and-asia-pacific-community-is-america-in-or-out/> (последнее посещение — 14 февраля 2011 г.).

⁷ Symonds P. Wikileaks Cables Expose US Hostility to Rudd's Asia Pacific Community Plan. *World Socialist Web Site*. 2010, 31 January. <http://www.wsws.org/articles/2010/dec2010/rudd-d31.shtml> (последнее посещение — 14 февраля 2011 г.).

⁸ Contemporary Southeast Asia. Special Focus: America Re-engages Southeast Asia. Singapore, 2010. Vol.32. N3, December.

⁹ Сумский В.В. Модернизация России, геополитика Восточной Азии и фактор АСЕАН. *Международная Жизнь*. 2010. № 10. С. 15–20.

¹⁰ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Сюита, 1997. С. 212 и далее.